

*М.М. Волобуева*

## **Религиозный лидер и религиозный конфликт**

Россия является как многонациональной, так и многоконфессиональной страной. По данным Государственного реестра, по состоянию на 1 января 2002 г. в Российской Федерации зарегистрировано 20215 религиозных организаций. В Алтайском крае на сегодняшний день действуют представительства более 20 конфессиональных направлений и в общей сложности 249 религиозных объединений. В связи с тем, что наше общество является многоконфессиональным и в значительной степени секуляризованным (социологические исследования фиксируют, что в нашем обществе суммарное число «верующих в Бога» и «верящих не в Бога, а в сверхъестественные силы», составляет 49%), религиозный фактор становится одним из самым значимым в современной российской общественной жизни [1]. Учитывая нынешнее нестабильное, переходное состояние нашего общества, можно утверждать, что манипуляции в отношении «религиозного вопроса», некоторая законодательная неупорядоченность взаимоотношений государства и религиозных объединений, а также проблемы взаимоотношений различных конфессий друг с другом порождают конфликтные ситуации, идентифицируемые как религиозные конфликты. Это выражается во все чаще возникающих конфликтных ситуациях внутри религиозных групп и организаций, в межконфессиональных конфликтах, конфликтах религиозных и светских структур, в формах религиозного экстремизма. Сопутствующими явлениями такого рода конфликтов выступают социальная и этническая напряженность, нетерпимость, проявление насилия, что, как следствие, ведет к дальнейшему повышению уровня нестабильности в обществе.

Классическое определение термина «конфликт» происходит от латинского слова «conflictus» («столкновение») и означает «...столкновение противоположных интересов, взглядов; серьезное разногласие, острый спор» или противоборство субъектов с целью реализации их противоречивых интересов, позиций, ценностей и взглядов [2, с. 251]. Под религиозным конфликтом, на наш взгляд, следует понимать столкновение интересов, разногласия и противоборство субъектов, мотивом и пред-

метом споров которых являются модусы религиозной сферы.

Для успешного урегулирования конфликтности в такой сложной сфере, как религиозная жизнь, а по возможности и ее профилактики, следует не только предельно четко знать, что такое «религиозный конфликт», но и кто провоцирует эти конфликты и способен их разрешить, т.е. субъективного фактора религиозной конфликтности. Именно лидеры различных религиозных организаций, пользуясь неоспоримым харизматическим авторитетом в своих конфессиональных средах, зачастую лично способны не только допустить развития и расширения, но и прекращения конфликтов различного характера в религиозных и межрелигиозных средах. Например, в тексте Корана в 9 суре «Покаяние» запечатлен призыв основателя религии ислам пророка Мухаммеда к открытой конфликтной деятельности: «Разве вы не станете сражаться с людьми, которые нарушили свои клятвы и думали об изгнании посланника...Сражайтесь с ними, – накажет их Аллах вашими руками», «...О вы, которые уверовали! Сражайтесь с теми, которые близки к вам. И пусть они найдут в вас суровость...» [3]. В тексте Евангелия от Матфея характерным примером является обращение Иисуса Христа: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10: 34–37). Российский социолог Д. Б. Мальшева также утверждает, что «особенности религиозной доктрины как таковой не могут стать причиной конфликта, иное дело, они могут создать благоприятные условия для его вызревания. Вместе с тем предсказать заранее, в каких случаях религиозные противоречия могут привести к конфликту, весьма сложно, а порой и просто невозможно, ибо в этих противоречиях нет ничего «фатального», предписанного заранее, они – результат действия факторов, содержание которых бывает часто глубоко скрыто» [4, с. 15]. К данным факторам мы в первую очередь относим субъективный фактор в лице харизматического лидера.

Изучение деятельности лидеров религиозных объединений зачастую позволяет определить причины возникновения конфликтов,

вскрыть движущие силы их развития и указать оптимальные пути их завершения. Тем не менее изучением данной проблематики в истории интеллектуальных учений, в том числе конфессионального характера никто так и не занимался. Теология, как историческая, так и нравственная, достаточно строго и однообразно толковала причины проявлений конфликтности в социальной и конфессиональной среде, связывая их с греховностью человеческой природы.

В XX в. в результате развития особой геополитической ситуации научный интерес развился в отношении изучения социальной и религиозно-политической конфликтности, но классификации религиозной конфликтности в целом и освещения роли конфессиональных лидеров и конфессиональных элит в процессах развития религиозных конфликтов в частности так и не было предпринято. Фактически отсутствовала теоретико-методологическая база изучения самой религиозной конфликтности, а работ, посвященных анализу роли конфессионального лидера в процессе развития религиозной конфликтности, практически не было.

В общественных науках, в том числе в социологии религии и теоретическом религиоведении, доминирует именно социологический подход в интерпретации природы, структуры и функций религиозной конфликтности, что объясняет отсутствие масштабного интереса к субъективным факторам конфликтных процессов религиозных сред. Английский философ и социолог XIX в. Г. Спенсер одним из первых акцентировал внимание науки на социальную роль конфликта в обществе в качестве определенного стимула социального развития [5]. Представители функциональной школы социологии Э. Дюркгейм, Б. Малиновский, А. Радклиф-Браун, Т. Парсонс в ряде своих работ рассматривали методы и средства проявления различных социальных функций религии, в том числе религиозные конфликты, посредством которых дифференцируется или интегрируется человеческое общество, не придавая значения субъективным факторам [6].

Лишь один из последователей течения социологического функционализма – основатель школы формальной социологии немецкий философ Г. Зиммель в своем труде «Религия. Социально-психологический этюд» частично осветил субъективные моменты религиозной конфликтности. Немецкий исследователь проанализировал природу и специфику религиозной конфликтности и отме-

тил наряду с социальными факторами роль проявлений и нарушений социально-психологического чувства единства религиозной группы, влияния в ней религиозного лидера, заинтересованного в развитии и поддержке состояния конфликта [7].

Немецкий социолог М. Вебер еще более акцентировал внимание на субъективном факторе или роли личностей в формировании и развитии различных социальных и религиозных процессов. М. Вебер рассматривал в своих работах «Харизматическое господство», Социология религии (типы религиозных сообществ)» три типа лидерства в обществе, основополагающую интеллектуальную роль культовых профессионалов в развитии ряда конфессиональных направлений, в «Теории ступеней и направлений религиозного неприятия мира» – конфликтообразующую функцию некоторых типов религиозной этики. Немецкий социолог подчеркивал значение деятельности харизматических конфессиональных вождей в процессах развития социальных и внутриконфессиональных конфликтов, но масштабных исследований в данном направлении не предпринимал [8; 9].

Более определенно в отношении роли субъективного фактора в религиозной конфликтности, не выделяя проблему в отдельное исследование, высказывались этнологи и антропологи, в частности английский антрополог В. Тернер. Обосновывая в своем труде «Ритуальный процесс. Структура и антиструктура» теорию лиминальности, В. Тернер выдвигает гипотезу о том, что любая конфессия в процессе генезиса обладает чертами коммунитарности и лиминальности, она формируется вокруг харизматического вождя и его преемников благодаря лиминальности повышения и перемены статуса в религиозном сообществе. Конфликтность, по мнению В. Тернера, генетически заложена в религиозной среде потому, что постепенная институализация религиозных групп автоматически порождает стремление у ряда лиц к возврату изначальной коммунитарности. Этим процессам способствуют личности, стремящиеся спонтанно или целенаправленно к изменению своего социального статуса во вновь образованных коммунитарных сообществах [10].

Определенный интерес в отношении субъективного фактора в конфликтных процессах, в том числе и религиозного характера, продемонстрировали в своих работах представители школы психоанализа. Основоположник направления психоанализа в психологии австрийский

психиатр и сексопатолог З. Фрейд указывал на необходимость поиска причин конфликтов, в том числе с элементами религиозности в сфере бессознательного. В работе «Тотем и табу» З. Фрейд обосновывает трактовку происхождения религиозности как формы коллективного невроза, сопровождаемого вечным Эдиповым комплексом, порождающим у человека как чувства привязанности, так и крайнюю ненависть и агрессию в отношении религиозных объектов и субъектов [11]. Австрийский психиатр особенное внимание уделял осмыслению природы вождя. З. Фрейд считал, что «...социальные чувства человека возникают на основе либидозной связи со стоящим вне массы вождем... все... страстно жаждут авторитета, подчинения, неограниченной власти над собой. Группа передает своему лидеру суждения своего сверх-Я... лидер идеализируется массой» [12, с. 567]. Его схема авторитаризма – «вождь – вторичный вождь (абстрактная идея, заменяющая вождя) – массовая привязанность к лидеру – негативная привязанность к лидеру...», на наш взгляд, является иллюстрацией проявления субъективного фактора в конфликтах, в том числе и религиозного характера. Лидер, по мнению З. Фрейда, обладающий обо-жественным имаго Отца (того, кто выше масс) и героическим образом (того, кто наравне с массами) одновременно способен и восхищать, и пугать, провоцируя у своих последователей вспышки и угасание невротических состояний, конфликтности и умиротворенности.

В среде учеников и последователей З. Фрейда проблемой соотношения проявлений конфликтности, в том числе в религиозной среде, и института лидерства предметно интересовался основатель течения неопрейдизма Э. Фромм. Американский врач-психоаналитик Э. Фромм в работе «Анатомия человеческой деструктивности» упоминает феномен наличия экстагической деструктивности и поклонения деструктивности в практике ряда культов. Согласно теории Э. Фромма человек уже по причине своей биологии склонен к конфликтности и агрессии, которая проявляется и трансформируется в форме некрофилии, в институте жертвоприношений, насилия в социальной и культовой среде, особенно под влиянием соответствующего лидера. Основной формирующей чертой вождя Э. Фромм называл мощное стремление к удовлетворению им своих садистско-мазохистских влечений, на основе чего можно заключить, что Э. Фромм в качестве одной из причин и проявлений религиозной конфликтности подразумевал субъективную

роль лидера, вызывающего психопатические переживания у своих последователей [13, с. 349]. В определенном смысле идеи Э. Фромма предвосхитил австрийский естествоиспытатель, основатель этнологического подхода в интерпретации социальной конфликтности, лауреат Нобелевской премии К. Лоренц, высказавший гипотезу о том, что главной причиной социальных конфликтов является агрессивность индивида и толпы, поскольку агрессивность – постоянное состояние живого организма.

В результате предпринятого обзора различных научных течений и школ становится очевидным, что представители целого ряда концептуальных направлений, рассматривая мотивации и различные типы конфликтов в социальной среде, лишь фрагментарно уделяли внимание проблемам конфликтов с элементами религиозности, спонтанно иллюстрируя их природу субъективными чертами характеров их участников. Упомянутые авторы практически не выделяли и не уделяли особого внимания проблеме религиозной конфликтности, структуре и функциям религиозного конфликта, характеристика которых, на наш взгляд, может быть осуществлена посредством анализа субъективных факторов конфликта на материалах изучения ролевых функций профессионального лидера.

При рассмотрении специфики религиозной конфликтности в первую очередь следует остановиться на понятии общественного явления, трактуемого как «религиозный конфликт». Возможно, противостояние, оканчивающееся противоборством между индивидами, группами лиц, сообществами и даже государствами, мотивом которого является борьба за доминант религиозной идеи, идеологии или культа, является основой религиозной конфликтности, а движущими силами выступают как группы индивидов, так и отдельные личности, предположительно религиозные лидеры. Для иллюстрации данной гипотезы необходимо рассмотреть сам религиозный конфликт как многомерное явление, имеющее свою определенную структуру, в которой ряд составляющих в определенной степени детерминирован институтом конфессиональных лидеров. Автор предлагает к рассмотрению следующую схему составляющих религиозного конфликта с учетом ролевых функций религиозных лидеров.

1. Объект конфликта (конфликтной деятельности), к которому относится сфера, включающая в себя индивидов, вовлеченных в конфликтную деятельность. К объектам религиозного конфликта, на наш взгляд, относятся социальная

конфессиональная среда, внутри которой происходит то или иное действие; процессы, которые можно квалифицировать как конфликтные. Конфессиональные среды в своем большинстве образуются вокруг определенных типов лидеров-харизматиков, которые потенциально определяют конфликтность или толерантность конфессиональных пространств, являясь субъектами конфликтной деятельности.

2. Субъект конфликта, который включает физических и юридических лиц, являющихся носителями конфликтной деятельности, поступков. В контексте религиозного конфликта субъектами конфликта выступают члены религиозной организации, ее лидеры, религиозные организации, иерархические структуры (властные и др.) религиозных организаций, которые своими действиями осуществляют религиозный конфликт, являются его носителями. По причине строгой иерархической и дисциплинарной обусловленности деятельности всех религиозных организаций роль лидера в их деятельности становится доминирующей и определяющей. Теократические и религиозно-политические лидеры более склонны, по нашему мнению, к провоцированию или нейтрализации межконфессиональных и политических конфликтов с целью укрепления своей власти и положения своей конфессии. Конфессиональные иерархические лидеры потенциально ориентированы на контроль за процессами внутриконфессиональных конфликтов с целью сохранения целостности конфессиональных организаций. Лидеры-реформаторы, наоборот, предпринимают усилия для дифференциации конфессий с целью создания новых догматическо-культурных ветвей для достижения собственной социализации. Лидеры-агрессоры, особенно в закрытых религиозных объединениях, специально ориентируют группу последователей на конфликт с внешним миром с целью сохранения изолированности и психологической напряженности в собственной религиозной среде и т.д. Различные типы лидеров в большей или меньшей степени ориентируют группу своих последователей на различного рода конфликтные ситуации, где определяется предмет религиозного конфликта.

3. Предмет религиозного конфликта, который может быть материальным либо нематериальным (духовным), включает в себя, на наш взгляд, системы идей, движимое или недвижимое имущество, документы, предметы культа, финансы, национально-религиозные, религиозно-политические, конфессиональные ценности, сферы и институты власти, имею-

щие значение в религиозной среде, т.е. все те материальные либо нематериальные предметы, из-за которых ведутся споры и борьба между конфликтующими сторонами. На наш взгляд, именно религиозный лидер определяет предмет конфликта, вольно или невольно, преднамеренно, запланированно, спонтанно преследуя политические, экономические, юридические, конфессиональные, личные или коллективные цели, которые выступают так же и мотивами развития или угасания процессов религиозной конфликтности. Именно религиозный лидер и его окружение оценивают комплекс физических возможности и психического настроения противоборствующих сторон, когда исчерпывается какая-либо неконфликтная, доконфликтная аргументация, когда настроение противоборствующих сторон достигает критической массы и конфликт становится возможным и осуществимым или, наоборот, стремится к затуханию. Лидер играет доминирующую роль и в различные периоды развития религиозного конфликта, выделяемые в соответствии с пространственно-временной характеристикой конфликта. Конфессиональный лидер имеет возможность подготавливать латентный период (назревания конфликта), провоцировать начальный период (формирование конфликта), организовывать период воплощения конфликта, а также способствовать возникновению периода угасания, завершения конфликта, когда конфликт исчерпывается или переходит в сферу латентного процесса (потенциальный конфликт).

От личностных характеристик конфессионального лидера либо лидера-харизматика зависят и формы осуществления конфликтной деятельности. Можно назвать следующие формы воплощения и проявления конфликтов религиозного характера и представить потенциальную детерминирующую роль религиозных лидеров в них:

1) вербальный, где лидер религиозного объединения может сам озвучить или разрешить озвучить другим лицам ряд положений, которые вызовут противоречия и конфликтную ситуацию. В зависимости от личных мотивов лидер может этим ограничиться;

2) силовой (военный, физический), где лидер религиозного объединения имеет возможность провоцировать или нивелировать в соответствии со своими целями и наклонностями глубину, интенсивность и длительность силового конфликта. Данные формы конфликтности предпочитают, на наш взгляд, психопатические личности, которые отчетливо представ-

ляют последствия и жертвы спровоцированных противоречий;

3) документальный, где лидер религиозного объединения или представители конфессиональной элиты (иерархические лидеры) документально фиксируют информацию догматического, культового, статусного, политического и прочего характера, потенциально противоречащую каким-либо иным письменным положениям, вызывая конфликтную ситуацию;

4) эмоционально-психологический, где лидеры религиозного объединения или представители конфессиональной элиты провоцируют и создают особую эмоциональную ситуацию в группе своих последователей либо в любой другой социальной группе, реагирующей на противоречия в форме острых психологических кризисов, криков, проявлений психопатии и шоковых состояний.

На основе предпринятого исследования становится очевидным тот потенциал, который заложен в изучении структур и форм проявления религиозной конфликтности. Данные исследования необходимы для осуществления научного анализа возникновения и развития конфликтов в религиозной среде и на религиозной почве, обусловленных действием факторов и причин, которые можно, по нашему мнению, разделить на объективные и субъективные. К числу объективных причин религиозных конфликтов можно отнести главным образом те обстоятельства социального взаимодействия людей, которые привели к столкновению их интересов, мнений, установок и т.п. Объективные причины приводят к созданию предконфликтной обстановки – объективного компонента предконфликтной ситуации [5].

Субъективные причины религиозных конфликтов в основном связаны с теми индивидуальными психологическими особенностями оппонентов, которые приводят к тому, что они выбирают именно конфликтный, а не какой-либо другой способ разрешения создавшегося объективного противоречия. Среди субъективных причин религиозной конфликтности важнейшей, на наш взгляд, являются субъективная деятельность и поведение религиозных лидеров. Хочется отметить, что, по мнению социологов и конфликтологов, любая объективная причина играет свою роль в возникновении конкретной конфликтной ситуации, в том числе по причине действия субъективных факторов [5]. Поэтому мы берем на себя смелость утверждать, что большинство объективных причин религиозных конфликтов в известной степени субъективны и обусловлены деятельностью религиозных лидеров, ссылаясь на немецкого философа и социолога Т. Адорно, назвавшего в одном ряду среди возможных типов лидеров чудака, функционера-манипулятора и бунтовщика-психопата, активно сублимирующих свой Эдипов комплекс [14].

Несомненно, что практически у любого религиозного конфликта существует комплекс объективно-субъективных причин. Вопрос о причинах и условиях возникновения конфликтов достаточно широк и не может быть подробно освещен в рамках одной журнальной статьи. Однако все же можно утверждать, что на общем фоне всего многообразия совокупности факторов, определяющих, стимулирующих обострение тех или иных противоречий в обществе, их перерастания в религиозный конфликт одним из самых значительных становится фактор специфики деятельности религиозного лидера.

## Литература

1. Конфликты в современной России: Проблема анализа и регулирования. М., 1999.
2. Словарь иностранных слов. М., 1986.
3. Коран / Пер. с араб. И.Ю. Крачковского. М., 1990.
4. Мальшева Д.Б. Религиозный фактор в вооруженных конфликтах современности. М., 1991.
5. Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. М., 1995.
6. Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии / Сост. В. И. Гараджа. М., 1996.
7. Гараджа В. И. Социология религии. М., 1994.
8. Вебер М. Харизматическое господство // Психология и психоанализ власти: Хрестоматия. В 2-х т. Т. 2. Самара, 1999.
9. Вебер М. Социология религии (типы религиозных сообществ) // Работы М. Вебера по социологии религии и идеологии. М., 1985.
10. Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира // М. Вебер. Избранные произведения. М., 1990.
11. Фрейд З. Тотем и табу. М., 1998.
12. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. М., 1989.
13. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1999.
14. Адорно Т. Авторитарная личность // Психология и психоанализ власти: Хрестоматия. В 2-х т. Т. 2. Самара, 1999.